

Хакимова Е. М.

[К ВОПРОСУ О ВАРИАНТНОСТИ В РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/98.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 231-233. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Два или более агентивных глагола могут иметь одну и ту же внутреннюю форму при разном морфемном составе. Варьирование морфемного состава осуществляется в целях дискриминации производных идиоматических значений. Например: *писатель, писец, писарь, писака* (внутренняя форма «тот, кто пишет»); англ. *collabrator* «соавтор (художественного произведения)»; *collaborationist* «тот, кто предательски сотрудничает с оккупационными властями» (внутренняя форма «тот, кто трудится вместе с кем-либо»).

Имена деятеля создаются тогда, когда языковой коллектив испытывает в них устойчивую коммуникативную потребность. Факторы, определяющие возникновение этой потребности, не всегда ясны. Можно предположить, что в качестве такового выступает социокультурная значимость роли актанта. Однако это не объясняет, скажем, того факта, что в русском языке существует слово *пришелец*, но не существует слова *ушелец*: нет оснований полагать, что роль «пришелец» в общем случае более значима, чем роль «уходящий / ушедший участник ситуации» (например, из семьи, из коллектива, из жизни и т.п.). Ср. англ. *arrival* «пришелец», но не *(de)partur* / **leaver* (существует лишь *school-leaver* «выпускник»). В этом вопросе мы можем сделать лишь осторожное обобщение: носители позиционных и некоторых, наиболее социокультурно-устойчивых ситуационных ролей обозначаются существительными с агентивным суффиксом, а производители отдельных действий обычно не имеют названия в виде существительного и обозначаются окказионально-субстантивированными причастиями: «*Нашедшего* утерянный зонтик прошу сдать его на вахту» (при отсутствии существительных типа *нашелец / находчик*). Ср. также: «*Переходящие* улицу (не *переходчики* улицы) на красный свет подвергаются штрафу».

В целом можно заключить, что отглагольными существительными с агентивным суффиксом обозначаются главным образом устойчивые элементы социокультурного пространства, а окказиональные элементы чаще обозначаются субстантивированными причастиями. Это, однако, в большей степени характерно для русского, чем для английского языка. Английское причастие I вообще не может выступать в субстантивной функции, а причастие II может выполнять ее лишь весьма ограниченно, обычно, в собирательном значении (*the possessed* «одержимые», *the deceased* «погибшие» и т.п.). Поэтому в английском языке больше существительных с агентивным суффиксом, многие из которых соответствуют русским субстантивированным причастиям: *спящий* - *sleeper*, *говорящий* - *speaker*, *слушающий* - *listener*, *спрашивающий* - *asker*, *отвечающий* - *answerer*, *ликующий* - *rejoicer*, *дающий* - *giver*, *берущий* - *taker*, и мн. др. Слова *eater / drinker / smoker* и т.п. обозначают, и тех, кто постоянно привержен этим занятиям (*heavy eater*, etc.), и тех, кто предается им в данный момент. Таким образом, характер средств выражения лексической семы [агенс] определяется не только социокультурным, но и системно-языковым фактором (спецификой строя данного языка).

Таким образом, специфика имен деятеля и орудия в том или ином языке обусловлена системным, нормативным и этнокультурным факторами.

Список использованной литературы

1. **Есперсен О.** Философия грамматики. - М.: ИИЛ, 1958.
2. **Минский М.** Фреймы для представления знаний. - М.: Энергия, 1978.
3. **Никитин М. В.** Основы лингвистической теории значения. - М.: Высшая школа, 1988.
4. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса. - М.: Прогресс, 1986.
5. **Трубецкой Н. С.** Основы филологии. - М.: Аспект Пресс, 2000.
6. **Чейф У.** Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975.
7. **Chomsky N.** *Cartesian Linguistics*. - N.Y. - London, 1966.

К ВОПРОСУ О ВАРИАНТНОСТИ В РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Хакимова Е. М.

Южно-Уральский государственный университет

Постановка знаков препинания может соотноситься с двумя принципами: коммуникативным и конструктивным. В первом случае в основе пунктуации лежит актуальное членение, во втором - структура членов предложения и их морфологические характеристики. На основании анализа древнерусских текстов Б. И. Осипов [Осипов 1992] пришел к выводу о том, что наша старинная пунктуация была коммуникативно-синтаксической. С середины XVIII в. начался переход на конструктивно-синтаксический принцип, который в современной русской пунктуации является доминирующим. Следует, однако, отметить, что в настоящее время коммуникативное начало не выведено за рамки пунктуационной системы. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые предписания, ориентированные на пунктуационное обеспечение синтаксических конструкций, сопровождаются оговорками и дополнениями, которые могут рассматриваться как проявление коммуникативных установок.

Рассмотрим предложение *Она моя подруга*. По правилу, знак препинания обычно не ставится, если подлежащее выражено личным местоимением. Поскольку пунктуационное решение базируется на учете морфологических (то есть формальных) характеристик подлежащего, можно считать, что в данном предписании реализован конструктивно-синтаксический принцип. Однако далее мы узнаём, что тире в этом случае ставится 1) при логическом подчеркивании: *Я - гражданин Советского Союза* (Маяковский); 2) при противопоставлении: *Я - фабрикант, ты - судовладелец* (Горький); 3) при структурном параллелизме предложений или частей предложений: *Без тебя я - звезда без света. Без тебя я - творец без мира* (Брюсов); 4) при ин-

версии главных членов предложения: *Герой этого спектакля - я* [Розенталь 1994]. Воспользовавшись терминологией коммуникативного синтаксиса, можно сказать, что функция тире во всех перечисленных случаях заключается в экспликации коммуникативной структуры высказывания, поскольку разделительный знак препинания здесь маркирует границу между темой и ремой.

Коммуникативное намерение пишущего может обуславливать не только постановку знака препинания, но и его неупотребление. Так, предписание не обособлять распространенные согласованные определения (*Если вы человек себя уважающий...то непременно напроситесь на ругательства* (Достоевский)) и обстоятельство, выраженные деепричастными оборотами (*Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь* (Горький)), если они «образуют смысловой центр высказывания» [Розенталь 1994: 162], связано с тем, что в подобных случаях соответствующие конструкции входят в рему, то есть в ту часть предложения, которая квалифицируется пишущим как актуальнее более значимая.

Наблюдения над материалом позволяют сделать некоторые выводы о тех отношениях, в которые могут вступать конструктивный и коммуникативный принципы в рамках одного отрезка письменной речи: а) возможна ситуация конкуренции, когда одно из написаний признается нормативным, а другое ошибочным (ср.: *Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь* (Горький) и **Жили Артамоновы, ни с кем не знакомясь*); б) взаимодействие может осуществляться на основании дополнительности, тогда оба написания рассматриваются как нормативные (ср. *Она моя подруга* и *Она - моя подруга*). Только во втором случае реализации обоих пунктуационных принципов признаются официально.

Проблема пунктуационного варьирования получила определённое отражение в школьной практике. Пунктуационное варьирование, в отличие от орфографического, легитимизировано, но школьная версия пунктуационных правил оказывается более узкой, чем научно-кодификаторская. Это оказывает влияние как на характер заданий, так и на оценку полученных ответов. В качестве примера можно привести тесты, предложенные выпускникам на Едином государственном экзамене по русскому языку в 2002, 2003 и 2004 гг.

В 2002 году один из вопросов имел такую формулировку: «В каком предложении не ставится тире? (Знаки препинания не расставлены.)». В варианте 43 предлагалось выбрать правильный ответ из следующих четырех возможных:

- 1) *Жизнь не те дни что прошли а те что запомнились.*
- 2) *Стены полы мебель всё покрылось копотью.*
- 3) *За всё братья значит ничего не сделать.*
- 4) *Что же я один останусь ответил он.*

По логике составителей теста, отражающей школьные установки, в качестве правильного должен был, очевидно, указываться ответ № 1. Однако данный случай регламентируется пунктуационным правилом, допускающим факультативность: «Тире обычно не ставится ... если перед сказуемым стоит отрицательная частица *не*, например: *Офицер этот не чета вам* (Федин) ... Постановка тире в этом случае имеет целью логически и интонационно подчеркнуть сказуемое, например: *Но объяснение - не оправдание* (Горький)...» [Розенталь 1994: 107]. Из этого следует, что задание в тесте входит в некоторое противоречие с научным решением вопроса. То же самое можно сказать о варианте 143, в котором вниманию выпускников предложены следующие предложения:

- 1) *Как можно прервала она речь с негодованием.*
- 2) *Лишь одно тревожило Николая отсутствие писем от жены.*
- 3) *Основное сооружение на Дворцовой площади Зимний дворец.*
- 4) *Дети старики женщины всё смешалось в живом потоке.*

Постановка тире в первом (прямая речь) и четвертом (обобщающее слово при однородных членах) предложениях обязательна. Во втором и третьем допустимы варианты. Второе предложение осложнено пояснительной конструкцией. Рассматривая подобные структуры, Д. Э. Розенталь указывает, что в них при отсутствии союза могут употребляться такие знаки, как запятая, двоеточие и тире, и приводит примеры из классических текстов, напоминающие наш случай: *Он всеми силами желал одного - быть вполне хорошим* (Л. Толстой). В третьем предложении имеет место инверсия групп подлежащего и сказуемого. Пунктуационное оформление подобных структур регламентируется следующим предписанием: «Тире ... обычно не ставится ... если сказуемое предшествует подлежащему, например: *Прекрасный человек Иван Иванович* (Гоголь) ... Постановка тире в этом случае подчеркивает интонационное деление предложения на два состава, например: *Славные люди - соседи мои* (Некрасов)...» [Розенталь 1994: 108].

В тестах 2003 и 2004 гг. составители сочли нужным изменить модальность формулировки задания («В каком предложении ставится тире? (Знаки препинания не расставлены)», но снова не учли возможность пунктуационного варьирования. Так, в варианте 222 версии 2003 г. приводятся конструкции:

- 1) *Это щенок а не ягнёнок.*
- 2) *Судьба Радищева пророчество русским поэтам.*
- 3) *Но всякий скажет он прав.*
- 4) *Апрельская погода переменчивая.*

Во втором предложении постановка тире обязательна, поскольку подлежащее и сказуемое выражены существительными в форме И.п. В остальных случаях знак факультативен. Пунктуационное оформление первого предложения определяется следующим правилом: «При подлежащем, выраженным словом *это*, тире ставится или не ставится в зависимости от логического выделения подлежащего и наличия или отсутствия

паузы после него» [Розенталь 1994: 109]. Логическое и интонационное членение предложения является также условием постановки тире перед сказуемым-прилагательным в последнем предложении [Розенталь 1994: 110]. Бессоюзную конструкцию (третье предложение) можно соотнести со следующим предписанием: «Тире ставится, если вторая часть (нередко неполное предложение) имеет изъяснительное значение (перед ней можно вставить союз *что*), причём в первой части не содержится интонационного предупреждения о последующем изложении какого-либо факта» [Розенталь 1994: 298].

Упрощение в школьной практике научно-кодификаторских решений может поставить в затруднительное положение ученика, знания которого выходят за рамки школьного стандарта. Во избежание такой ситуации целесообразным представляется отделение безвариантных пунктограмм от пунктограмм, допускающих варьирование, и использование при подготовке тестов лишь такого материала, который соотносится с первыми. Возможно, учитывая это, составители тестов в версиях 2205, 2006 и 2007 гг. исключили задания, связанные с употреблением тире - одного из самых многофункциональных знаков.

Вариативность пунктуации значима не только для тестирования. Может быть, еще более важно то, что варианты реализации иногда признаются ошибочными при проверке сочинений. Педантизм в оценке пунктуационных ошибок приводит к «знакобоязни» - отказу от использования всего корпуса знаков препинания, следствием чего становится примитивизм изложения (сходство указанного процесса с тем, который имеет место в орфографии, совершенно очевидно). Поиску решения этой проблемы посвящена статья А. В. Текучева. [Текучев 1970]. Изучение пунктуации в школе он связывает с овладением правилами двух разрядов. К первому относятся правила, составляющие основу русской пунктуации: постановка знаков в конце предложения, обособление причастных и деепричастных оборотов и т. п.; они не допускают колебаний, их нарушение должно считаться ошибкой. Второй разряд связан с передачей в письменном тексте оттенков мысли: постановка двоеточия и тире в бессоюзных предложениях, точки с запятой в сложных предложениях и др.; отступления от этих правил, по мнению автора, следует исправлять и разъяснять, но не квалифицировать как ошибочные. Такое предложение вызвано стремлением ввести в школьную практику лояльное отношение к пунктуационным вариантам. Нам представляется, что решить данную проблему будет гораздо проще, чем вопросы, связанные с вариантностью в орфографии, поскольку существование вариантных реализаций в рамках пунктуационной нормы давно признано и поддержано научной традицией.

Список использованной литературы

1. **Осипов Б. И.** История русской орфографии и пунктуации / Б. И. Осипов. - Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. - 253 с.
2. **Розенталь Д. Э.** Справочник по орфографии и пунктуации / Д. Э. Розенталь. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. - 368 с.
3. **Текучев А. В.** К вопросу о пунктуационном минимуме для средней школы / А. В. Текучев // Русский язык в школе. - 1970. - № 2. - С. 75-85.

НЕАДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЙ ЭМФАТИЧЕСКОЙ ЧАСТИЦЫ *AUCH* НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Хорецкая Н. Ю.
Ивановский государственный университет*

Перевод с одного языка на другой представляет собой сложный процесс умственной деятельности человека. Переводчик должен проникнуть в суть переводимого текста, осмыслить его и с помощью средств другого языка передать его содержание и форму. Перевести - это значит адекватно понятое воссоздать [Роганова 1971: 5], то есть создать текст, равный оригиналу.

Любой перевод с иностранного языка должен быть адекватным для того, чтобы в полном объеме передать смысл сообщаемой информации. Потому сегодня в науке о языке большое внимание уделяют проблеме адекватности перевода. Под адекватным переводом понимают перевод, точно передающий содержание и форму оригинала в их неразрывной связи, перевод, в котором достигнуто семантико-стилистическое или функциональное соответствие языковым средствам оригинала [Роганова 1971: 13.], то есть равный, вполне соответствующий тексту оригинала перевод.

Существуют разные способы достижения адекватности при переводе, прибегая к которым переводчик добивается лаконичности или экспрессивности, раскрывает богатые возможности языкового строя и привносит в переводной текст дополнительные оттенки лингвистического своеобразия. Следует, однако, заметить, что любое предложение является не только единицей грамматики, оно взято в конкретной речевой ситуации, то есть взаимодействует с конкретной неязыковой реальностью, имеет конкретное коммуникативное задание, отражающее как постоянные, так и переменные ситуативные факторы, и в силу этого является минимальной коммуникативной единицей речи [Черняховская 1976: 4]. Коммуникативная структура высказывания и адекватность её передачи на другой язык - одна из значимых проблем в языкознании на сегодняшний день. Коммуникативная структура характеризуется в таких терминах, как тема и рема, соответственно данное и новое. Если нарушается коммуникативная структура, то нарушается и смысл высказывания. Вопрос о соотношении коммуникативной структуры иностранного и русского высказываний при переводе мало изучался. Более того, вопрос о частицах в рамках данной темы не затрагивался вообще.